

ЖИЗНИ И СЦЕНЫ

Рис. Москва. — 1994
24 авг. — в. 5.

— Евгений РОГОВ:

«Даже роль бегемота Алика творчески перерос...»

За кулисами

Театр, как известно, начинается с вешалки, но ее все-таки недостаточно, чтобы он жил и работал. Для этого нужен... Режиссер? Актер? Обязательно, но сначала нужен директор. Чтобы театр и жил, и работал очень хорошо, как Театр Антона Чехова, у него и директор должен быть соответствующий — талантливый, как Евгений Рогов. Фигура директора Театра Антона Чехова типична: крупный господин в безупречном смокинге, такая смесь респектабельности и бегемотности.

— Евгений Петрович, вы не похожи ни на одного директора театра, вот разве что на Карабаса Барабаса...

— Ну, вам, Мальвина, виднее. Хотя... Я по профессии актер и много лет проработал как раз в кукольном театре.

— Вы там стали директором?

— Нет. Когда мне стало неинтересно играть не только Зайчиков и Мишек, но даже роль Бегемота Алика, я, так сказать, его творчески перерос, мне предложили должность заведующего труппой сначала в моем театре, а потом в «Современнике». Затем Леня Трушкин, мой давний друг еще по студенческим временам, готовя свой первый спектакль «Вишневый сад», позвал меня делать новый театр. Мы назвали его «ТЕАТР АНТОНА ЧЕХОВА», а меня назвали директором этого театра.

— Ваш театр — первый частный после 1919 года. Что это значит с точки зрения собственности?

— Ровным счетом ничего. Есть семь человек, которые пять лет назад внесли свои деньги, кажется, по пять тысяч, и стали учредителями театра. Дело в том, что театр — предприятие некоммерческое, и частная собственность в данном случае — понятие чисто условное. Ни-

какой доли от прибыли никто не получает, если кто-то из пайщиков захочет уйти, он вправе получить назад свои пять тысяч.

— Подарите ему тогда один билет в партер, он как раз у вас пять тысяч стоит...

— А рядом с театром перекупщики продадут этот же билет за восемь тысяч. К сожалению, мы вынуждены устанавливать высокие цены, так как это единственный источник доходов театра. Мы не имеем ни государственных дотаций, ни муниципальной поддержки. И только из кассового сбора оплачиваем работу всех людей, занятых в спектакле: от монтировщиков декораций до актеров. А большую часть наших средств тратим на аренду. К сожалению, у Театра Антона Чехова нет собственного помещения. Вот мы и арендуем его у какого-либо государственного театра, что тому чрезвычайно выгодно.

— Не понимаю: разве не выгоднее им самим играть спектакли?

— Судите сами: аншлаговый сбор составляет 300–400 тысяч рублей, но это если приходят все зрители, а не двадцать человек в партер. А

за счет сдачи сцены в аренду можно прекрасно существовать, даже если зрители вообще не ходят на спектакли, потому что мы оплачиваем театру его максимальный аншлаговый сбор. И получается, что чем больше в Москве «бездомных», но любимых публикой творческих коллективов, таких, как Театр Романа Виктюка, «Ет сатера» Александра Калягина, «О'кей» Ольги Шведовой, тем проще существовать театрам, у которых есть здание, но нет зрителей.

Отсутствие своего дома стало нашей главной проблемой. Если бы не поддержка руководителя Международного коммерческого союза Рашида Ахунова, мы не могли бы показывать и те немногие спектакли, которые есть сейчас. Все наши надежды связаны в настоящее время с планами развития Северо-Восточного округа: его префект В. Г. Систер очень заинтересовался нашим проектом создания культурного комплекса и уже помог сделать первые шаги на этом пути.

— Евгений Петрович, в спектакле «Там же, тогда же...» играли Константин Райкин и Татьяна Васильева, сейчас Константин Аркадьевич разыгрывает свой театральный роман в этом спектакле с Любовью Полищук. А почему Театр Антона Чехова покинула Васильева, ведь последние годы Раневская в «Вишневом саду», Дорис в «Там же, тогда же...», сыгранные в спектаклях вашего театра, были ее единственными театральными работами?

— Татьяна Васильева, строго говоря, не ушла из театра, она в него просто не вернулась. Согласно договору с Театром Антона Чехова, она должна была играть спектакли в конце сентября прошлого года в Москве. Васильева предпочла остаться в Израиле. Она великолепная актриса, я глубоко уважаю ее талант. Естественное, как каждый человек, она имеет право на выбор. И я могу только сожалеть, что этот

выбор был сделан ею так поздно, что поставил под угрозу срыва начало сезона в нашем театре.

— Евгений Петрович, а сколько стоит сейчас постановка нового спектакля?

— Этого не может сказать никто, так как цены назначаются произвольно и меняются каждый день. Но, чтобы был ясен примерный порядок затрат, скажу только, что костюм, который мы заказали для Любови Полищук в спектакле «Чествование», обошелся театру более чем в полтора миллиона.

— Я, к сожалению, не видела Любови Полищук в этом спектакле...

— Специально для нее Леонид Трушкин сочинил сцену, которая вызывает гомерический хохот в зале. Первыми это увидели зрители Санкт-Петербурга во время гастролей театра, они проходили почти сразу после присуждения спектаклю «Чествование» премии фестиваля сатиры и юмора «Золотой Остап».

— А когда ваши спектакли смогут увидеть москвичи?

— Спектакль «Сирано де Бержерак» идет на сцене театра «Сатирикон». В конце января мы будем отмечать его сотое представление. «Там же, тогда же...» и «Чествование» с конца января будут показываться на сцене театра имени Вл. Маяковского. В феврале Леонид Трушкин приступает к репетициям нового спектакля, нашей премьеры этого сезона.

— Это будет «Дядя Ваня» А. П. Чехова?

— «Дядя Ваня» будет обязательно, но... Жизнь преподносит сейчас очень серьезные и во многом неожиданные уроки, и театр должен, как мне кажется, откликнуться на происшедшее. Замысел новой постановки возник совсем недавно, и пока я могу сказать одно: это будет спектакль-предупреждение.

Беседу вел
Е. ТОКАРЕВА.
Фото В. ЗОТОВА.